

[Restrained Russian baritone a lively Italian tenor \(sfchronicle.com\)](http://sfchronicle.com)

San Francisco Chronicle

ARTS & ENTERTAINMENT//MUSIC

Restrained Russian baritone a lively Italian tenor

Joshua Kosman, Chronicle Music Critic

April 6, 2004

Chronicle / John O'Hara, 1997

· DMITRI/C/02APR97/DD/JO'H Siberian Baritone Dmitri Hvorostovsky. Davies Symphony hall. Photo by.....John O'Hara

Well, whaddya know. Beneath Dmitri Hvorostovsky's Russian baritone exterior, there's a Neapolitan tenor longing to break free.

The tenor had to wait to appear until the encore section of Hvorostovsky's brief Sunday night recital in Davies Symphony Hall, presented by the San Francisco Symphony as part of the Great Performers Series.

But when he finally came through, in vibrant, zesty renditions of the songs "Parlami d'amore, Mariú" and "Core 'ngrato," he brought some much-needed vitality to an event that until then had been low-key to a fault.

Hvorostovsky can be a dynamic performer, even in tripe such as Giya Kancheli's 2002 cantata "Don't Grieve" (the last time he appeared in San Francisco). But Sunday, in a program of songs by Tchaikovsky and Rachmaninoff, he played things very close to the chest.

Accompanied with extravagant deliberation by pianist Ivari Ilja, Hvorostovsky delivered most of his program in a shadowy, impassive manner that hinted at more than it actually delivered.

Phrases were skillfully but squarely shaped, and even the most emotionally urgent material was delivered with a sense of restraint. The result was a performance that only occasionally showed the kind of sparkle and charisma that Hvorostovsky is capable of.

Although no announcement was made, Hvorostovsky may have been ailing a little. His voice sounded darker and more cavernous than it has in the past, and the silky baritone register that is usually his greatest asset was rarely in evidence. Climactic high notes sounded labored and cloudy.

That might also explain Hvorostovsky's unusual reticence in music that is generally central to his artistry. In the Tchaikovsky songs especially, he seemed reluctant to push too hard, and when he did, as in the arching phrases of "Blessed are you forests, valleys," the results showed the strain.

Occasionally Hvorostovsky was able to transmute that reticence into an emotional payoff. The subdued, close-knit phrases of "My angel, my genius, my friend" showed an expressive fervor that had been lacking elsewhere, and the song's arresting dip into the singer's lowest register was particularly telling.

Hvorostovsky's singing freed up a little after intermission, with a set of Rachmaninoff songs. There was a delicate ardor in "She is as lovely as the noon," and Hvorostovsky lent a light lyric flair to "When yesterday we met." But much of this music was equally reserved.

Hvorostovsky had to contend with an enthusiastic but grossly ill-mannered audience. Cell phones rang incessantly, and nearly every song was applauded before it was through; Rachmaninoff's "Do not sing to me, fair maiden" was punctuated by shrieks of "Bravo!" at the midpoint, where the composer had been imprudent enough to include a brief pause. (Confidential to would-be bravo-ers: If you're not absolutely certain how the piece ends, the wisest move is to keep your mouth shut -- with duct tape if necessary.)

Still, Hvorostovsky soldiered bravely on; no artist can choose his fans. And the final oddball burst of Italianate schmaltz -- in which Hvorostovsky sounded rejuvenated and vigorous like never before -- brought the evening to an appealing close.

Сдержанный русский баритон -- живой итальянский тенор

Джошуа Косман, музыкальный критик

6 апреля 2004

Кто бы мог подумать, что за сдержанным русским баритоном Дмитрием Хворостовским скрывается жаждущий вырваться на свободу неаполитанский тенор

В коротком воскресном концерте Хворостовского в Davies Symphony Hall Сан-Франциско в рамках серии "Великие исполнители" тенору пришлось ждать выхода на бис.

Но когда он, наконец, выступил с полными жизни, колоритными интерпретациями песен "Parlami d'amore, Mariù" и "Core 'ngrato", он привнёс столь необходимую жизненную силу в сдержанное до предела представление.

Хворостовский может быть энергичным исполнителем даже в таких вещах, как кантата Гии Канчели "Не горюй" 2002 года (его последнее выступление в Сан-Франциско). Но в воскресенье, в программе романсов Чайковского и Рахманинова, он пел очень сдержанно.

Сопровождаемый экстравагантной неспешностью пианиста Ивари Ильи, Хворостовский преподнёс большую часть своей программы в туманной, бесстрастной манере, в которой таилось больше, чем слышалось.

Фразы были составлены мастерски, но прямолинейно, и даже самый эмоционально острый материал подавался сдержанно. Результатом стало выступление, в котором лишь изредка проявлялись тот блеск и харизма, на которые способен Хворостовский.

Хотя об этом не было объявлено, Хворостовский, возможно, немного приболел. Его голос звучал темнее и глубже, чем раньше, а шелковистый баритональный регистр, который обычно является его главным достоинством, был редко заметен. Кульминационные высокие ноты звучали натужно и мутно.

Этим также можно объяснить необычную сдержанность Хворостовского в музыке, которая в целом является центральным элементом его артистизма. Особенно в романсах Чайковского он, казалось, не хотел слишком сильно давить, а когда он это делал, как, например, в непрерывных фразах "Благословляю вас, леса, долины", было заметно напряжение.

Иногда Хворостовскому удавалось превратить эту сдержанность в эмоциональную отдачу. Приглушённые, тесно связанные между собой фразы "Мой гений, мой ангел, мой друг" продемонстрировали экспрессивный пыл, которого не хватало в других местах, и

особенно показательным было завораживающее погружение певца в самый низкий регистр романса.

После антракта пение Хворостовского стало свободнее, и он исполнил несколько романсов Рахманинова. Он исполнил "Она, как полдень, хороша" с нежным пылом, а "Вчера мы встретились" с лёгким лирическим колоритом. Но большая часть Рахманинова была так же сдержанной.

Хворостовскому пришлось столкнуться с восторженной, но крайне невоспитанной публикой. Мобильные телефоны звонили непрерывно, и почти каждому романсу аплодировали ещё до того, как он был закончен; "Не пой, красавица, при мне" Рахманинова прерывалась криками "Браво!" в середине, где композитор имел неосторожность включить небольшую паузу. (Конфиденциально для любителей аплодировать: если вы не совсем уверены, где закончится произведение, самое умное - держать рот на замке, при необходимости заклеив его скотчем.)

Тем не менее, Хворостовский мужественно держался; поклонников не выбирают. А финальная внезапная вспышка итальянской чувствительности, в которой Хворостовский звучал как никогда молодо и энергично, трогательно завершила вечер.

Перевод Н.Тимофеева